

**Александр Осыков,
Борис Осыков**

«В ДОЛИНАХ ПОД БЕЛГОРОДОМ»

Очерки писателей-краеведов для школьной энциклопедии

В 2025 году увидела свет новая книга белгородских писателей, братьев Александра и Бориса Осыковых, «Белогорье от А до Я: школьная энциклопедия», один из разделов которой рассказывает о том, как связаны с Белгородчиной судьбы и творчество многих известных русских поэтов и писателей. Предлагаем вашему вниманию очерки из этой книги.

В 1889 году девятнадцатилетний Иван Бунин покинул родовое гнездо — хутор Бутырки в Орловской губернии. Оно было уже почти разорено отцом, увлекавшимся не только охотой, но и вином и карточной игрой. В карты он частенько проигрывал. Юноше пришлось путешествовать по стране в поисках средств к существованию, работать библиотекарем, корректором, статистиком, торговать книгами.

В Орле в том же 1889-м Иван Бунин познакомился с Варей Пашенко (она тоже работала в местной газете) и влюбился в молоденькую девушку. Они прожили вместе четыре года, но не были женаты: Варини родители не соглашались отдать дочь за «бедного поэта». А когда, наконец, молодые получили родительское благословение на церковное венчание, Варя... сбежала от Бунина, оставив записку: «Уезжаю, Ваня, не поминай лихом...»

А до этого были целых четыре года вместе. Были Орел, Харьков, Полтава. Их поездка в пассажирском поезде в Полтаву, где в земской управе заведовал статистическим бюро его старший брат Юлий, оставила в памяти Бунина глубокий яркий след...

Вдали от России, наново — в воспоминаниях — переживая свою жизнь, Бунин создаст роман «Жизнь Арсеньева», наиболее значительное произведение эмигрантского периода его творчества. Роман справедливо считается главной книгой Бунина, «главной потому, что она, при своем невеликом объеме, как бы обняла собою все написанное им до нее», «самое откровенное, лирическое, исповедальное из бунинских творений» (из послесловия к последнему собранию сочинений писателя).

В пятой книге романа есть такая сцена: Арсеньев с Ликой едут в «малорусский город, куда переселился из Харькова брат Георгий, оба на работу по земской статистике»:

«За Курском, чем дальше, тем все теплей, радостней. На откосе вдоль шпал уже густая трава, цветы, белые бабочки, в бабочках уже лето.

— ...Смотри, смотри, какие громадные тополя! И уже совсем зеленые! Зачем столько мельниц?

— Ветряков, а не мельниц. Сейчас будут видны меловые горы, потом Белгород.

— Я теперь понимаю тебя, я бы тоже никогда не могла жить на севере, без этого обилия света.

Я опускаю окно. Тепло дует солнечный ветер, паровозный дым южно пахнет каменным углем. Она прикрывает глаза, солнце горячими полосами ходит по ее лицу, по играющим возле лба темным молодым волосам, по простенькому ситцевому платью, ослепительно озаряя и нагревая его.

В долинах под Белгородом милая скромность празднично-цветущих вишневых садов, мелом белеющих хат. На вокзале в Белгороде ласковая скороговорка хохлушек, продающих бублики.

Она покупает и торгуется, довольная своей хозяйственностью, употреблением малорусских слов.

Вечером, в Харькове, мы опять меняем дорогу...»

Литературоведы справедливо не ставят знака равенства между Буниным и героем романа, Варей Пашенко и Ликой. «Жизнь Арсеньева» не дневник, а художественное произведение. Неудивительно, что в нем смещено и время памятной поездки в Полтаву — с конца лета (август 1892 года) на начало.

Впрочем, Бунину доводилось проезжать Белгород по пути на Украину не раз. Трудно сказать, в какую из поездок (скорей всего, в самую первую) запала в память художника полная ярких красок и запахов картина, в которой мы и сегодня — спустя целое столетие — без труда узнаем приметы родного Белогорья.

Наверняка уже немало белгородцев и гостей нашего города побывало у памятника великому художнику слова, первому русскому писателю — лауреату Нобелевской премии Ивану Алексеевичу Бунину. Памятник установлен в 2011 году на улице Студенческой, около старого здания Белгородского госуниверситета. И инициатива создания памятника принадлежит преподавателям и студентам университета. Его автор — заслуженный художник России белгородец Анатолий Александрович Шишков.

На гранитном постаменте — чудесные бунинские строки: «В долинах под Белгородом милая скромность празднично цветущих вишневых садов, мелом белеющих хат...»

«ЖИВУ Я НА БЕРЕГУ ПСЛА...»

В один из апрельских дней 1887 года московский поезд, следовавший на юг, сделал длительную остановку в Белгороде, и молодой, но уже достаточно известный беллетрист Антон Чехов вместе с другими пассажирами посетил вокзальную «ресторацию» и даже упомянул об этом в дорожном письме к сестре, брошенном тут же, на перроне, в почтовый ящик: «В Белгороде щи. В Харьков приезжаем в 9 часов».

Минул всего год, и Антон Павлович снова в черноземном краю. На этот раз надолго: он снимает на все лето дачу на берегу Псла — белгородской реки, берущей исток неподалеку от Прохоровки.

Всякий раз подыскивая дачу для многочисленной семьи (а с Чеховым жили его отец и мать, сестра, братья и еще несколько родственников), писатель выбирал место рядом с рекой. Много радостных дней провел он с удочками возле подмосковной Истры. Увлечение рыбалкой разделяли с ним и его друзья. И теперь, забираясь «в провинциальную глубинку», Чехов настойчиво зовет их погостить.

«Я нанял дачу... на реке Псе́л, — сообщает он 25 марта поэту и художнику Якову Полонскому. — Место поэтическое, изобилующее теплом, лесами, хохлами, рыбой и раками. От дачи недалеко Ахтырка и другие прославленные хохлацкие места. Понятно, что я дорого дал бы за удовольствие пригласить Вас с Вашей музой и красками на юг попутешествовать с Вами вдоль и поперек Хохландии, от Дона до Днепра».

И — через неделю — в письме к поэту А.Н. Плещееву: «Псе́л река глубокая, широкая, богатая рыбой и раками. Кроме него, на моей даче имеется еще пруд с карасями, отделенный от реки плотиной. Дача расположена у подошвы горы, покрашенной садом. Кругом леса. Много барышень».

Немного осмотревшись на новом месте, Антон Павлович спешит поделиться радостными впечатлениями и с братом (тоже заядлым рыболовом): «Иван!.. Дача великолепна... Местность поэтична, флигель просторный и чистенький, мебель удобная и в изобилии. Комнаты светлы и красивы, хозяйева, по-видимому, любезны.

Пруд громадный, с версту длиной. Судя по его виду, рыбы в нем до черта. Передай папаше, что мы его ждем и что ему будет покойно. Бабкино (местечко в Подмосковье. — *Авт.*) в сравнении с теперешней дачей гроша ломаного не стоит. Один ночной шум может с ума свести! Пахнет чудно, сад старый-престарый, хохлы смешные, двор чистенький...

Жара ужасная. Нет сил ходить в крахмальной сорочке... Твой А. Чехов. Река шире Москвы-реки. Лодок и островов много. Подробности завтра или послезавтра».

«Подробности» не заставили себя ждать, и в новом письме брату Ивану — опять-таки восхищенные строки о Псле, о плотине на реке и «большой мельнице», «красивых высоких берегах», «великолепной рыбной ловле»: «Ловлю рыбу, но не очень. Живцов еще не ставил. Окунь берет, как в Бабкине ерши. Пришли мне крючки и штаны».

На берегах Псла писатель познакомился со многими местными жителями. Один из них — «служащий сахарозавода Артеменко». Дошедшие до нас чеховские письма и заметки не сохранили имени-отчества этого человека, но мы узнаем, что Артеменко часто ездил по сахарным заводам миллионера Харитоненко, бывал и на крупнейшем из них — в Красной Яруге. Еще одна живая ниточка связи великого русского писателя с Белогорьем.

Артеменко и других местных селян Чехов называет «страстными рыболовами» и добавляет: «Я уже с многими знаком и учусь у них премудрости».

Уроки селян не проходили даром. В новом обширном послании брату Ивану столько впечатлений и просьб, что писатель излагает их даже по пунктам: «...3) Река широка, глубока и красива. Водятся в ней следующие рыбы: окунь, чебак, язь, судак, белизна (порода шелищпера), голавль, плотва, сом, сибиль, щука, ласкирка... Первая рыба, какую я поймал на удочку, была щука, вторая — большой окунь. Окуней здесь ловят на рачьи шейки. Раков тьма-тьмуца. В пруде не клюет.

4) Удилища есть, поплавки тоже. Привези возможно больше всяких крючков, очень больших, средних и очень малых, немного с волосками для нас и много без волосков для раздачи хохлам и хохлятам. Требуются большие крючки для сомов — такой (здесь рисунок) или чучотку даже больше. Привези лесок и струн. Лодок здесь много, и рыбу ловят с лодок. Жерлиц не крадут».

Восторженных слов о Псле и окружающей чудесную реку «величественной природе» особенно много в письмах Чехова к его именитым друзьям. Владимиру Галактионовичу Короленко: «Что за места! Я положительно очарован!»; «...Уж очень у меня хорошо, так хорошо, что описать нельзя! Природа великолепна; всюду красиво, простора пропасть, люди хорошие, воздух теплый, тоны тоже теплые, мягкие».

Издателью А.С. Суворину: «Живу я на берегу Псла, во флигеле старой барской усадьбы. Нанял я дачу заглазно, наугад и пока еще не раскаялся в этом. Река широка, глубока, изобильна островами, рыбой и раками, берега красивы, зелени много... А главное, просторно до такой степени, что за свои сто рублей я получил право жить на пространстве, которому не видно конца». Поэту А.Н. Плещееву: «Каждый день я езжу в лодке на мельницу, а вечерами с маньяками-рыболовами с завода Харитоненко отправляюсь на острова ловить рыбу. Разговоры бывают интересные. Под триицу все маньяки будут ночевать на островах и всю ночь ловить рыбу; я тоже. Есть типы превосходные; Артеменко поймал сегодня щуку, а я вынул из вентерей 6 карасей».

Плещеев и сам выбрался на Псёл, к Чехову и тоже был очарован, околдован красотой золотой реки. И оставил на память другу стихи:

Цветущий мирный уголок,
Где отдыхал я от тревог
И суеты столицы душной,
Я буду долго вспоминать,
Когда вернусь в нее опять,
Судьбы веления послушный.
Отрадно будет мне мечтой
Перенестись туда порой, —
Перенестись к семье радушной,
Где теплый дружеский привет
Нежданно встретил я, где нет
Ни светской чопорности скучной,
Ни карт, ни пошлой болтовни,
С пустою жизнью неразлучной;
Но где в трудах проходят дни
И чистый бескорыстный труд
На благо края своего
Ценить умеет темный люд,
Платя любовью за него...

Покидать благодатные места, расставаться с чудесной рекой Чехову совсем не хотелось: «Каналья Псёл, как нарочно, с каждым днем становится все красивее, погода прекрасная; с поля возят хлеб. Вероятно, и будущее лето я буду жить на Псле...»

Едва дождавшись в Москве окончания зимы, Антон Павлович снова озаботился «дачным вопросом». В марте 1889-го он пишет своему другу, писателю И.Л. Леонтьеву (Щеглову): «Голова моя занята мыслями о лете и даче. Денно и ночью мечтаю о хуторе. Я не Потемкин, а Цинцинат. Лежана на сене и пойманый на удочку окунь удовлетворяют мое чувство гораздо осязательнее, чем рецензии и аплодирующая галерея. Я, очевидно, урод и плебей».

И новая — столь желанная — встреча с полюбившейся рекой происходит уже через месяц, в апреле: «Живу я теперь на лоне природы, сплю, ловлю раков...»; «Воздух великолепный, Псёл величественно ласков». (Это из письма сестре Марии Павловне.) Даже в скуповатом по стилю, деловом письме к издателю А.С. Суворину такие строки: «...Хозяйские лодки где-то в лесу у лесника. Ограничиваюсь поэтому только хождением по берегу и острою завистью к рыбакам, которые спуют по Пслу на своих челноках. Встаю я рано, ложусь рано, ем много, пишу и читаю».

Впрочем, уже в следующем послании издателю — целая поэма в прозе: «Пишу Вам, дорогой Алексей Сергеевич, вернувшись с охоты: ловил раков. Погода чудесная. Все поет, цветет, блещет красотой. Сад уже совсем зеленый, даже дубы распустились. Стволы яблонь, груш, вишен и слив выкрашены от

червей в белую краску, цветут все эти деревья бело, отчего поразительно похожи на невест во время венчания: белые платья, белые цветы и такой невинный вид, точно им стыдно, что на них смотрят. Каждый день рождаются миллиарды существ. Соловьи, бугаи, кукушки и прочие пернатые твари кричат безумолку день и ночь, им аккомпанируют лягушки. Каждый час дня и ночи имеет какую-либо свою особенность. Так, в девятом часу вечера стоит в саду буквально рев от майских жуков. Ночи лунные, дни яркие. Сего ради настроение у меня хорошее, и если б... не комары, от которых не помогает даже рецептура Эльпе, то я был бы совершенным Потемкиным. Природа очень хорошее успокоительное средство».

И в конце августа — «самого рыбацкого месяца» Чехов сетует в письме к Леонтьеву (Щеглову): «Погода великолепная. Нужно бы работать, а солнце и рыбная ловля за шиворот тащат прочь от стола».

Однако неотложные писательские дела и заботы настойчиво позвали в столицу, и в ночь с 3 на 4 сентября Чехов выехал «на товарно-каторжном поезде в Москву».

Так закончилось второе лето на Псле.

Впоследствии писателю лишь однажды — уже в 1894-м — довелось провести неделю на «великолепном Псле». И вновь он вызвал восхищенные чеховские слова: «Это такая поэзия, — что хоть отбавляй!»

Заболев туберкулезом, Антон Павлович немало времени провел на южных российских курортах, лечился и в живописных местах за границей. Но и там часто вспоминал нашу прекрасную речку-землячку — благословенный родниковый Псёл. И в сентябрьском письме 1894 года из Италии сделал такое признание: «Аббация и Адриатическое море великолепны, но Псёл лучше».

«БЕЗ МЕНЯ НАРОД НЕПОЛНЫЙ»

Однажды поэта Иосифа Бродского спросили, кого он считает главными писателями XX столетия. В ответ нобелевский лауреат назвал всего шесть блистательных имен, среди которых и имя выдающегося русского писателя Андрея Платонова.

Андрей Платонович Платонов (настоящая фамилия Климентов) родился в 1899 году в Ямской слободе, в одной версте от Воронежа, в семье машиниста паровоза и слесаря Воронежских железнодорожных мастерских, дважды Героя труда (1920, 1922) Платона Фирсовича Климентова. Мама будущего писателя — Мария Васильевна — была домохозяйкой, подарившей Платону Фирсовичу одиннадцать детей.

В 1906 году Андрей поступил в церковно-приходскую школу. В 1909 — 1913 годах учился в мужском четырехклассном училище. В двенадцать лет начал сочинять стихи.

Будучи старшим сыном в семье и пытаясь помочь отцу прокормить многочисленных братьев и сестер, Платонов с юных лет работал то посыльным в конторе страхового общества, то литейщиком на заводе, то помощником машиниста.

По воспоминаниям писателя, революция тотчас превратила его во взрослого человека, лишив юности: «Расти было некогда, надо сразу нахмуриться и биться».

С 1918 года Платонов начал сотрудничать с воронежскими газетами «Известия укрепрайона» и «Красная деревня» в качестве поэта, публициста, критика. В том же, 1918-м, он поступил в Воронежский университет на физико-математическое отделение, но вскоре перевелся на историко-филологическое. Через год снова кардинально поменял свои планы и стал студентом Воронежского рабочего

железнодорожного политехникума, который окончил в 1921 году. Тогда же вышли и его первые книги — брошюра «Электрификация» и поэтический сборник «Голубая глубина», заслуживший положительный отзыв Валерия Брюсова.

В 1922 году потрясенный новостями о массовом голоде в Поволжье, Платонов поступает на службу в губернское земельное управление и возглавляет комиссию по гидрофикации и электрификации.

«Засуха 1921 года произвела на меня сильное впечатление, — писал впоследствии Платонов. — Будучи техником, я уже не мог заниматься созерцательным делом — литературой».

Он ищет самоотверженных энтузиастов, готовых, как и он сам, трудиться «по пояс в болоте», подобно героям его рассказа «Родина электричества», придумавшим «оросительный механизм», собирает средства для закупки оборудования.

Платонов призывал подчиненных к ударному труду: «На вас смотрит правительство страны. Давайте, ни за что не допустим позора и бессилия, ни за что не дадим обогнать себя ни одной губернии, а обгоним любую из них. Итак, вперед — к напряжению и работе, к чести, не к позору». Он без устали работает над проектами гидрофикации края и планами страхования урожаев от засухи, лично выезжает в города и села Воронежской губернии, рассказывает местным жителям о том, как орошать землю и строить водоподъемные машины.

В середине сентября 1924 года Платонов направляется в Валуйский уезд, который находился тогда в составе Воронежской губернии, чтобы на месте устранить отставание в проведении мелиоративных работ. Об этой поездке сам Андрей Платонович тогда же подробно рассказал на страницах губернской газеты «Воронежская коммуна» в статье «Мелиоративные работы в нашей области»: «... Кроме работ по обводнению (пруды, колодцы) у нас есть три работы по регулированию рек Черной Калитвы, Осереды и Тихой Сосны с целью осушения общей сложностью 4500 десятин заболоченных площадей и улучшения санитарных условий прилегающих населенных районов... Отношение населения к работам, за редчайшими исключениями, самое сочувственное. Политическое значение общественных работ до сих пор никем не оценено в полную силу. Общественные работы дали в три месяца то, чего бы не дали годы пропаганды, и так сомкнули город с деревней, что не расцепить эту смычку никакой враждебной силе. Когда повели канал по Черной Калитве — крестьяне плакали, а сельское начальство жало руку инженеру, начальнику работ. Стихийно растет крестьянская самодеятельность. На Тихой Сосне организованы три мелиоративных товарищества... В Валуйском уезде население само устраивает 4 пруда. Приступлено к устройству 150 колодцев, не менее 20 процентов из этого количества будут бетонные, остальные каменные и деревянные...»

О состоянии дел губернский мелиоратор Платонов периодически отчитывался перед Народным комиссариатом по земельным делам, регулярно отправляя в Москву телеграммы на имя заведующего Управмелиоземом Бориса Копылова:

«9 сентября 1924 г. Воронеж»

Москва. Наркомзем. Копылову.

На девятое сентября работы идут: в Богучарском уезде колодцев 5, ремонт прудов 10, новых 8, пеших 2000, конных 320; в Валуйском уезде ремонт прудов 4, новых 8, пеших 500, конных 50; в Острогожском уезде ремонт прудов 10, новых 7, колодцев 50, пеших 1500, конных 150; в Россошанском уезде ремонт прудов 8, новых 6, пеших 800, конных 80; на пяти прудах работы заканчиваются, все меры к дальнейшему развитию работ принимаются.

Губмелиоратор Платонов».

«23 сентября 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.

На двадцать третье сентября ... в Валуйском уезде ремонт прудов 7, новых 11, пеших 2740, конных 690...

Губмелиоратор Платонов».

«8 октября 1924 г. Воронеж

Москва. Наркомзем. Копылову.

На шестое октября ... в Валуйском уезде ремонт прудов 15, новых 30, пеших 5085, конных 1550...

Губмелиоратор Платонов».

А вот выдержка из письма А.П. Платонова инспектору Наркомзема Адриану Прозорову, с которым у Андрея Платоновича сложились дружеские, доверительные отношения:

«Дорогой Адриан Алексеевич!

Передаю Вам, прежде всего, привет от всех сотрудников мелиоративной части, которых вы знаете. Все Вас у нас полюбили и просят поскорее приехать. Я тоже присоединяюсь к этой просьбе...

Только что приехал из Валуйского уезда. Работа пошла и там удовлетворительно: было в производстве 7 сооружений, сейчас 17, к концу недели будут все сооружения по осеннему плану начаты... Останется только форсировать работу, следить за техникой выполнения и греметь отчетностью. В сущности, общественные работы, при известных даже вам трудных обстоятельствах, не особо трудны. Можно сделать и больше.

Техперсонал работает как нельзя лучше... Надо вообще поблагодарить техперсонал общественных работ чем-нибудь реальным. Может быть, что-нибудь обдумаете в Центре. Я лично знаю, что половина штата нашего заслуживает самой высокой благодарности. Со своей стороны я пообещал райгидротехникам кое-что хорошее. Ибо плохого они видят достаточно.

В Валуйском уезде, например, техперсонал питается хлебом и молоком, ездит по 25 верст в сутки. Райгидротехник от тележной тряски, недосыпания, недоедания, вечного напряжения стал ползать, перестал раздеваться вечером и одеваться утром, а также мыться. Говорит, зимой сделаю все сразу. Надо беречь штат. Надо принять реальные меры. Мы платим ведь очень мало, если судить по работе.

Картина работ чрезвычайно красивая. Хохлы, хохлушки (с бусами на шее, в расшитых сорочках), волю, костры, тачанки — все это гремит, движется каруселями у плотины, блестит на солнце лопатами, а надо всем стоит бич — десятник, не дающий задуматься созерцательной украинской нации. Хорошо. Это — фронт, это напор и действительная работа. Скоро пришлю гору фотографий. Очень трудно было в Валуйском уезде достать фотографа. Оказывается, там один фотограф, и когда я приехал, он умирал. Ничего нельзя было сделать. Ведь провинция у нас сущая. Только раскачиваем народ... Вероятно, буду скоро в Москве. Всего хорошего. Весьма уважающий Вас, А. Платонов. 22 сентября 1924 года, 3 часа дня».

Через пару лет в губернии появятся сотни прудов, шахтных колодцев и несколько электростанций. Столичный ревизор А. Прозоров докладывал в Москву о «блестящей организационной работе зав. мелио частью Платонова», а 10 октября 1924 года признал, что «общественные работы Воронежской губернии Центром отмечены как лучшие по всему СССР».

В 1926 году Главное управление землеустройства и мелиорации Воронежа выдало Андрею Платонову следующий документ:

Дано предъявителю сего Платонову Андрею Платоновичу в том, что он состоял на службе в Воронежском Губземуправлении в должности губернского мелиоратора (с 10 мая 1923 г. по 15 мая 1926 г.) и заведующего работами по электрификации с.х. (с 12 сентября 1923 г. по 15 мая 1926 г.). За это время под его непосредственным административно-техническим руководством исполнены в Воронежской губернии следующие работы: построено 763 пруда, из них 22% с каменными и деревянными водосливами и деревянными водоспусками; построено 315 шахтных колодцев (бетонных, каменных и деревянных); построено 16 трубчатых колодцев; осушено 7600 десятин; орошено (правильным орошением) 30 дес.; исполнены дорожные работы (мосты, шоссе, дамбы, грунтовые дороги) — и построено 3 сельские электрические силовые установки.

Кроме того, под руководством А.П. Платонова спроектирован и начат постройкой плавучий понтонный экскаватор для механизации регулировочно-осушительных работ.

Тов. Платоновым с 1 августа 1924 г. по 1 апреля 1926 г. проведена кампания общественно-мелиоративных работ в строительной и организационной частях, с объемом работ на сумму около 2 миллионов руб. Под непосредственным его же руководством проведена организация 240 мелиоративных товариществ и организационная подготовка работ по мелиорации и сельскому огнестойкому строительству за счет правительственных ассигнаций и банковских ссуд на восстановление с.х. Воронежской губернии.

А.П. Платонов как общественник и организатор проявил себя с лучшей стороны.

Печать: Главное Управление Землеустройства и мелиорации г. Воронежа.

С подлинным верно: Секретарь Отдела Мелиорации (Н. Бавыкин)»

Вполне понятно, что в этот период, наполненный напряженным инженерным трудом, времени заниматься еще и литературной работой у Андрея Платонова не было. Но именно в эти счастливые, насыщенные радостью созидания годы, когда он колесил по городам и селам губернии, постоянно переезжая из Воронежа в Валуйки, а оттуда — в Россось, Острогожск, Богучар, именно тогда к нему и пришли гениальные тексты его необыкновенных книг. Именно тогда они и родились у него в подсознании и навсегда поселились в его крылатой и мудрой душе.

Всего через несколько месяцев после того как инженер Платонов оставил должность губернского мелиоратора, писатель Платонов станет создавать один шедевр за другим. Спустя годы эти произведения войдут в сокровищницу отечественной и мировой литературы.

В период с 1927 по 1931 годы Андрей Платонов написал рассказы «Родина электричества», «Ямская слобода», «Антисексус», «Государственный житель», «Песчаная учительница», «Как зажглась лампочка Ильича», «Усомнившийся Макар», повести «Епифанские шлюзы», «Город Градов», «Сокровенный человек», «Эфирный тракт», «Происхождение мастера», пьесы «Дураки на периферии», «Высокое напряжение», «14 красных избушек», «Шарманка», очерк «Че-Че-О (в соавторстве с Борисом Пильняком), бедняцкую хронiku «Впрок и, наконец, два главных своих произведения — роман «Чевенгур» и повесть «Котлован».

Исследователь творчества Платонова Нина Корниенко назвала книги писателя «испытанием для филологической науки». Причина — в языке, который создал Платонов. Он был так необычен для его времени, что подготовка каждой публикации оборачивалась горячими спорами с редакторами и цензорами. «Прошу оставить как есть», «Прошу оставить по-моему» — такими записями пестрят поля рукописей писателя.

Переводчик многих произведений Платонова на иностранные языки Виктор Гольшев назвал писателя авангардистом и «главным обновителем языка»: «Впечатление такое, что человек впервые говорит на русском языке и вообще впервые видит вещи».

А известный писатель Андрей Битов так отозвался о творчестве Андрея Платонова: «Он сумел написать свои тексты каким-то дохристианским языком первобытного зарождающегося сознания».

В этом, говорят литературоведы, и состоит изюминка новаторского языка Платонова — в способности одним нелепым словом, одной неловкой фразой донести самую суть...

Платонов был не только гениальным писателем, блестяще подготовленным инженером, но и талантливым изобретателем. Во время работы губернским мелиоратором он получил около десяти авторских свидетельств на изобретения самых разных гидротехнических, электротехнических и оптических приборов и устройств.

Нельзя не рассказать и еще об одной странице честной и одухотворенной жизни Андрея Платонова. Сразу после начала Великой Отечественной войны писатель добровольцем уходит на фронт рядовым. Но вскоре становится военным журналистом, в звании капитана служит корреспондентом газеты «Красная звезда», а летом 1943 года его направляют в район Курской дуги.

На фронте Платонов скромен в быту, много времени проводит на передовой среди солдат, участвует в боях. В письме, датированном 6 июня 1943 года, он писал жене Марии Александровне:

«Я под Курском. Наблюдаю и переживаю сильнейшие воздушные бои. Однажды попал в приключение. На одну станцию немцы совершили налет. Все вышли из эшелона, я тоже. Почти все легли, я не успел и смотрел стоя на осветительные ракеты. Потом я лечь не успел, меня ударило головой о дерево, но голова уцелела. Дело окончилось тем, что два дня болела голова, которая у меня никогда не болит, и шла кровь из носа. Теперь все это прошло; взрывная волна была слаба для моей гибели. Меня убьет только прямое попадание по башке».

И уже 12 июня 1943-го специальный корреспондент «Красной звезды» капитан Андрей Платонов шлет телеграфом в редакцию фронтовой репортаж об одном из многочисленных боев, проходивших в небе над Курской дугой: «...В те же сутки великого воздушного сражения в одной деревне, вблизи города Обояни, все жители стояли поутру на улице. Люди то вскрикивали от радости, то затихали в безмолвии. Они смотрели битву в воздухе наших истребителей с машинами неприятеля. “Мессершмиты” охраняли завывающие, тяжело нагруженные бомбами, “Юнкерсы”, идущие потоком над нашей землей. Один наш истребитель пробил к двум “Юнкерсам”, шедшим рядом один к другому, тело к телу, обогнал их, как стоячих, сделал фигуру и дал долгую длинную очередь. Оба “Юнкерса” задымились и пали к земле, сраженные одной очередью одного самолета. Это был редкий удар — может быть, почти случайность, однако несомненно, что тут случай попал на мастера и мастер сумел им воспользоваться. Жители обоянской деревушки закричали на земле от радости, что гибнет враг, пугающий смертью наш народ».

Андрея Платонова связывала крепкая фронтовая дружба с поэтом и журналистом Константином Бельхиным. В середине августа сорок третьего в районе слободы Михайловки под Курском Константин Яковлевич погиб. Узнав об этом, писатель на перекладных сумел добраться в Михайловку из-под Поньрей, чтобы проститься с другом. Всю ночь он провел у гроба погибшего, а когда капитана Бельхина хоронили, Андрей Платонович не смог произнести траурную речь и лишь приложил руку к своему сердцу и сказал: «Он у меня здесь».

К концу войны у Платонова резко ухудшается здоровье. Его начинает мучить туберкулез, которым он заразился, ухаживая за больным сыном. Вот как об одной из встреч с Платоновым на фронте вспоминает его однополчанин Михаил Зотов: «Внешне был худой, желтый, морщинистый. И покашливал. Это не тот Платонов, который глядит молодым с фотографий... Выглядел-то он плохо, но никогда не манкировал своими обязанностями, а лез в любую дыру. Он был прожженный окопный капитан, его так и звали — “окопный капитан”».

По окончании войны Платонова наградили медалью «За победу над Германией» и присвоили звание майора, а в феврале 1946 года он был демобилизован из армии по состоянию здоровья.

Однако писатель нашел в себе силы вернуться к творческой работе и создал целый ряд блестящих портретов советских солдат и офицеров. В годы войны и в первые послевоенные годы у Платонова вышли четыре книги. Большую известность получили его военные рассказы: «Взыскание погибших», «Смерти нет!», «В сторону заката», «По небу полуночи», «О советском солдате», «Броня», «Неодушевленный враг», а также рассказ «Афродита» — глубокое размышление о собственной судьбе и эпохе. В эти же годы увидело свет и одно из самых известных, самых пронзительных произведений писателя — рассказ «Возвращение».

Тем временем болезнь прогрессировала. Прикованный к постели Платонов не оставлял работы: после войны в его пересказе вышли русские и башкирские народные сказки. Он написал пьесы «Пушкин в лицее», «Ноев ковчег», семь киносценариев, несколько рассказов для детей. В архиве писателя остался незаконченный еще с 1930-х годов роман «Счастливая Москва».

Андрей Платонович Платонов ушел из жизни 5 января 1951 года. Некролог в «Литературной газете» подписали все самые лучшие и известные писатели СССР: М. Шолохов, А. Твардовский, А. Фадеев, Н. Тихонов, К. Федин, К. Симонов, К. Паустовский, М. Пришвин, А. Сурков, И. Эренбург, В. Кожевников, П. Павленко, Р. Фраерман, В. Гроссман, Б. Пастернак...

В 1999 году в Воронеже, родном городе писателя, к столетию со дня рождения был установлен памятник, на котором Андрей Платонович изображен шагающим по городу в развевающемся от ветра пальто. На левом пилоне начертано его имя, а на правом — фраза из рассказа «Старый механик» (или «Жена машиниста»), ставшая в наши дни крылатой: «...А без меня народ неполный!»

Сегодня интерес к Платонову необычайно велик. Хемингуэй в своей Нобелевской речи назвал писателя одним из своих учителей. Произведения Андрея Платонова издаются практически во всем мире: в большинстве стран Европы, в США, Канаде, Японии, Индии, Китае... И мы, белгородцы, можем гордиться тем, что многие свои гениальные произведения Андрей Платонов задумывал, когда жил и работал в нашем крае, когда сражался с врагом на Курской дуге.

«И — БОГОТВОРИТ ГОГОЛЯ»

Осенью 1831 года наш выдающийся земляк, великий русский актер М.С. Щепкин читал в кругу домашних и друзей сильно взволновавшее его произведение никому неведомого «пасичника Рудого Панька» «Вечера на хуторе близ Диканьки». В этих веселых повестях все было для Михаила Семеновича таким близким, таким щемяще родным. И уже в следующем, 1832-м, происходит событие поистине примечательное, знаковое...

Щепкины уже несколько лет жили в собственном доме, в тихом московском переулке, выходявшем на Садовую-Самотечную улицу, подле церкви Спаса-на-Песках. Семья все разрасталась. За обеденный стол обычно садилось человек двад-

цать пять. В этот денек за обедом было весело. Вдруг прибежала служанка и, мешая русские и украинские слова, сказала:

— Там якись паныч молодой пришел, Михаила Семеновича спрашивает.

— Проси, проси прямо к столу! — живо откликнулся Щепкин, любивший неожиданных гостей.

В комнату вошел и остановился на пороге франтовато одетый молодой человек: большой, туго накрахмаленный воротничок, пестрый жилет, по которому змеится цепочка. Гладко выбритый, с подстриженными височками и хохлом на голове, он имел весьма зазорный вид. В его круглых карих глазах вспыхивали веселые искорки. Но прежде всего бросался в глаза его длинный нос. Оглядев довольно насмешливо многолюдное общество за столом, молодой человек, не сходя со своего места, продекламировал:

Ходыть гарбуз по городу,
Пытаеця своего роду:
Ой, чи живи, чи здорови
Вси родычи гарбузови?..

Для Щепкина, молодость которого прошла на Украине, этот шуточный куплет прозвучал словно пароль. Да это же Гоголь! Юный автор брызжущих весельем «Вечеров на хуторе близ Диканьки»! И Щепкин кинулся к дорогому гостю...

С тех пор они встречались часто, и беседы их были живы и увлекательны. Их столькое роднило — Малороссия, литература, театр. В ранней молодости и Гоголь пытался стать актером. В Нежинской гимназии участвовал в любительских спектаклях. Михаил Семенович охотно передавал любимому другу богатства своей памяти — неиссякаемый запас всевозможных наблюдений. Живые люди из рассказов актера становились персонажами произведений писателя, а сами рассказы — неотъемлемой частью гоголевских сюжетов. Так Щепкин передал Гоголю рассказ о гордничем, которому нашлось место в тесной толпе, и о сравнении его с лакомым куском, попадающим в полный желудок. Слова исправника «полюбите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит» тоже были переданы Гоголю М.С. Щепкиным. Михаилу Семеновичу принадлежит и история с одичалой кошкой, которая вошла в повесть «Старосветские помещики».

Гоголь, в свою очередь, делится со Щепкиным планом первой своей комедии «Владимир 3-й степени», над которой он работал. Актер и драматург В.И. Родиславский, записавший со слов Щепкина содержание не дошедших до нас сцен комедии, сообщает: «С особенною похвалою М.С. Щепкин отзывался о сцене, в которой герой пьесы, сидя перед зеркалом, мечтает о Владимире 3-й степени и воображает, что этот крест уже на нем».

А в мае следующего, 1833-го, Щепкин на сцене Большого театра впервые исполняет роль Чуба в «малороссийской интермедии в I действии по повести Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Наш земляк Н.В. Станкевич в письме на родину, в Удеревку, возмущался этой инсценировкой, называл ее «вздором», оканчивающимся традиционной пляской. «Ни одна роза по-хохлацки не умеет говорить, но Щепкин — гений. Он говорит прекрасно по-малороссийски и настоящий хохол!»

В начале мая 1835 года Щепкины — у поэта, бывшего министра юстиции И.И. Дмитриева на вечере в честь Гоголя. «Собралось, — рассказывал приятель Гоголя Т.Г. Пащенко, — человек двадцать пять московских литераторов, артистов и любителей, в числе которых был и знаменитый Щепкин с двумя своими дочерьми. Гостеприимный хозяин и все просили Гоголя прочесть “Женитьбу”. Гоголь сел и начал читать. По одну сторону Гоголя сидел Дмитриев, а по другую — Щепкин. Читал Гоголь так превосходно, с такою неподражаемой интонацией, перели-

вами голоса и мимики, что слушатели приходили в восторг, не выдерживали и прерывали чтение различными восклицаниями... Восторженный Щепкин сказал так: “Подобного комика не видал в жизни и не увижу!” Потом, обращаясь к дочерям, которые готовились поступить на сцену: “Вот для вас высокий образец художника, вот у кого учитесь...”»

19 апреля 1836 года на сцене Александринского театра в Петербурге была в первый раз представлена «оригинальная комедия» «Ревизор», сочинение 27-летнего Гоголя. Комедия наделала в столице столько шуму, что автор, глубоко переживавший происходящее, только через десять дней собрался послать пьесу в Москву. И первый из подаренных москвичам авторских экземпляров имел на титульном листе, сразу под названием пьесы, такую надпись: «Моему доброму и бесценному Михаилу Семеновичу Щепкину от Гоголя».

В московском Малом театре премьера «Ревизора» состоялась 25 мая того же 1836 года. Трудно было ожидать, что кто-то сможет превзойти знаменитого петербургского актера И.И. Сосницкого в роли Городничего, но великому Щепкину это удалось. Мнение современников было единым: Щепкин-Городничий — «само совершенство». «Его игра — творческая, гениальная, — отмечал Белинский. — Он не помощник автора, но соперник его в создании роли». По свидетельству И.И. Панаева, «после “Ревизора” любовь Щепкина к Гоголю превратилась в благоговейное чувство. Когда он говорил о нем или читал отрывки из его писем к нему, лицо его сияло, и на глазах показывались слезы».

Роли Щепкина в гоголевских пьесах стали вершиной его сценического творчества. Только в мундире Городничего он выходил на театральные подмостки свыше ста пятидесяти раз.

Гоголя и Щепкина сближала общность взглядов на литературу и искусство. Оба великих художника понимали высокую миссию театра и сознавали необходимость обновления театральных форм, языка драматургии, средств выразительности. Щепкин оказал писателю помощь как опытный театральный мастер, пьесы же Гоголя вдохнули в творчество Щепкина новую живительную струю: ведь в тот период развития театрального искусства Михаил Семенович буквально задыхался от пустых и безликих пьес, в которых ему приходилось играть. Гоголя он ставил выше всех драматургов своего времени.

14 октября 1839 года Гоголь вдвоем со Щепкиным приезжают в дом Аксаковых, где Николай Васильевич читает свои новые творения. На следующий день С.Т. Аксаков пишет из Москвы в Петербург сыновьям: «В прошедшую субботу Гоголь читал у нас начало комедии “Тяжба” и большую главу из романа “Мертвые души”. И то и другое — чудные созданья...»

9 мая 1840 года Щепкин — на именинах у Гоголя. Здесь же — Аксаковы, Лермонтов, Загоскин и многие другие. После обеда в саду «Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случились, отрывок из новой своей поэмы “Мцыри” и читал прекрасно». Потом в беседке Гоголь «с особенным старанием» приготовил жженку, «причем говаривал много очень забавных шуток» (С.Т. Аксаков).

Письма, мемуары, статьи и рецензии литературных критиков и театроведов сохранили множество поразительных свидетельств творческой дружбы двух великих подвижников российского искусства. Приведем еще одно — почти неизвестное, затерянное на дальней полке архива. В 1845-м Щепкин гастролировал в Симферополе. Не пропустивший ни одного крымского спектакля с участием великого актера композитор и музыкальный критик А.Н. Серов писал сестре: «В субботу я провел с ним (Щепкиным) часов шесть вместе... Щепкин чрезвычайно интересен в обществе. Если его затронут со стороны искусства — он говорит неутомимо и притом дельно и умно. Замечания его о разных разностях для меня были просто драгоценны. По всему видно артиста мыслящего. Он целую жизнь

наблюдает и учится над всем и от всех... И — боготворит Гоголя, с которым близко знаком...»

Февраль 1852-го. Москва. На масленице Щепкин приехал к больному Гоголю и, стараясь вывести писателя из состояния апатии, «рассказал ему много смешного и напомнил, что у него нынче отличнейшие блины, самая лучшая икра и т. д.». Гоголь обещался приехать обедать, условились во времени... Но 7 февраля, в четверг, Гоголь причащался и с тех пор находился в «отчужденном состоянии духа». Пришедшего к нему Щепкина не принял «из боязни, чтобы Михаил Семенович, которого он уважал и слушался, не уговорил его подкрепить себя пищею» (Ф.И. Буслаев, «Мои досуги»). 21 февраля в 8 часов утра Н.В. Гоголь скончался.

На похоронах писателя Щепкин последним склонился над ним в скорбном молчании и закрыл крышку гроба. Уход из жизни Гоголя настолько потряс Щепкина, что артист впал в апатию, потерял вкус к жизни и, по выражению его младшего брата, «совсем опустился и оставил уже все свои надежды на будущность». И все же он нашел в себе силы, чтобы заняться подготовкой к изданию посмертного литературного наследия Гоголя, используя все свои связи и знакомства для снятия цензурных запретов. Щепкин включает в свой репертуар гоголевские пьесы, читает отрывки из его прозаических произведений.

Великого писателя и незабвенного друга Щепкин помнил — и душой и сердцем — до последних своих дней. Буквально до последних. Слуга актера Александр Алмазов свидетельствовал: «За три дня до смерти (11 августа 1863 г. — *Авт.*) сознание Михаила Семеновича потеряно не было... Михаил Семенович вдруг подзывает меня и спрашивает: “Александр, а куда Гоголь ушел?” Я им говорю: “Какой Гоголь?” — “Николай Васильевич”. — “Он давно уж помер”. — “Как помер? Давно ли?” — “Давно”. — “Ничего, ничего не помню”. Это были последние его слова».

ПОЛТОРАЦКОГО ТАВЕРНА

Удивительна судьба Марка Федоровича Полторацкого — известного русского певца (баритона), действительного статского советника, основателя русской дворянской фамилии Полторацких, который в 1782 году стал одним из владельцев слободы Чернянки (ныне районный центр Белгородской области).

Его отец — казак Федор Филиппович Полторацкий — поселился на Черниговщине и принял сан православного священника. С детства Марк обладал красивым голосом и, будучи студентом Киево-Могилянской академии, пел в академическом хоре. Здесь его услышал граф Разумовский (сам в прошлом певчий), сопровождавший императрицу Елизавету Петровну в ее поездке на Украину. Уже через год юношу по рекомендации графа зачислили в императорский хор, а в 1750 году он, первым из славян, поступает в итальянскую оперную труппу и выступает под псевдонимом Марко Портурацкий. Впоследствии Марк Федорович получает потомственное дворянство и звание полковника. До самой смерти он возглавлял Придворную певческую капеллу.

Именно Марк Федорович, прослушав десятки церковных, монастырских, школьных и других малороссийских хоров, отобрал среди прочих для реестра «малых певчих» сына казака Глуховской сотни Нежинского полка, девятилетнего Дмитрия Бортнянского, будущего выдающегося русского композитора.

В семье М.Ф. Полторацкого было 22 (!) ребенка. У одного из его сыновей — Петра Марковича — в 1800 году родилась дочь по имени Анна, вошедшая в историю русской литературы как Анна Петровна Керн. Имя Анны Керн навеки остается в нашей памяти благодаря вдохновенным строкам гениального пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье...». Анне Петровне великий поэт посвятил и немало других блистательных поэтических строк...

В начале XIX века после смерти М.Ф. Полторацкого слобода Чернянка перешла к его сыну Федору Марковичу, очень много сделавшему для развития промышленного хозяйства в слободе. Ф.М. Полторацкий построил в Чернянке мебельную, бумажную и суконную фабрики, винокуренный и сахарный заводы, мукомольную мельницу.

Федор Маркович прожил без малого сто лет, и человеком был незаурядным и весьма энергичным. Вот что рассказывает о предприимчивости Ф.М. Полторацкого его внучка В.И. Анненкова: «Житейское свое поприще начал он, подобно другим, службою в блестящем гвардейском полку, но вскоре, убедившись, что даже при удаче поприще это слишком узко для его способностей и appetитов, он вышел в отставку, поехал учиться в Берлинский университет и, вернувшись отсюда с дипломом... принялся за аферы. Какие именно, осталось отчасти тайною; но зато результаты их вскоре проявились так явно, что оставалось только руками развести от изумления. Земельная собственность Ф.М. увеличивалась не по дням, а по часам; его дома, фабрики, заводы, лавки вырастали как грибы всюду, куда бы он ни являлся со своими проектами.

Появились, благодаря ему, в наших захолустьях такие товары, о существовании которых до него никто не имел понятия, а под наблюдением его изготовлялись такие сукна, экипажи, мебели, и в домах устраивались такие хитроумные приспособления для топки, освещения и провода воды, такие зимние сады и оранжереи, что издали стекались любоваться этими диковинками.

В Чернянке, имении его в Курской губернии, была зала со стеной из цельного стекла в зимний сад, отапливаемый посредством труб, проведенных в стене. У него был дорожный дормез, вмещавший в себе, рядом с сидением для барина и для его слуги, с важами для вещей, сундуками для провизии и прочих дорожных принадлежностей, такое множество потайных ящиков, искусно скрытых, что он проводил в этом дормезе на много тысяч контрабанды из чужих краев, и контрабанда эта наивыгоднейшим образом продавалась на лавках его в Москве и других городах.

Всех диковинок, какие он изобрел, не перечислить, и все это производилось в его имениях, руками его крепостных, под наблюдением заграничных мастеров, которых он отсылал обратно на родину после того, как русские люди заимствовали от них необходимые сведения, потому что, как он часто говаривал: «Смышленнее русского мужика нет существа на свете; надо только уметь им пользоваться».

На всю Россию славилась построенная Федором Марковичем в Курске ресторация, которую современники называли «Полторацкого таверна». В уже упоминавшихся путевых заметках «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкин писал: «Мне предстоял путь через Курск и Харьков, но я свернул на Воронежскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в курском трактире, что не безделица в нашем положении, и любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит курской ресторации». Конечно же, говоря о «курской ресторации», Александр Сергеевич имел в виду таверну Полторацкого, о которой ему много рассказывал ближайший друг — поэт Антон Дельвиг. Антон Антонович, часто бывавший в Курске по долгу службы, однажды даже сочинил и через свою жену прислал Анне Петровне Керн экспромт, в котором упоминает таверну Полторацкого, приходившегося Анне Керн родным дядей. Вот эти стихи, написанные бароном Дельвигом менее чем за год до поездки А.С. Пушкина в Арзрум:

Я в Курске, милые друзья,
И в Полторацкого таверне
Живее вспоминаю я
О деве Лизе, даме Керне!

Поэма «Василий Теркин» была задумана Александром Твардовским за два года до начала Великой Отечественной войны во время, когда он был военным корреспондентом газеты Ленинградского военного округа «На страже Родины» в ходе финской военной кампании. В газете стали появляться рисунки художников Брискина и Фомичева о боевых похождениях смекалистого и хитроумного бойца по фамилии Теркин. И хотя Вася Теркин изначально был карикатурным, шаржевым персонажем, а помещенные под рисунками стихи Н. Тихонова, С. Маршака, Ц. Солодаря носили явно развлекательный характер, читатели сразу полюбили этого героя и стали забрасывать редакцию письмами с просьбой продолжить публикацию веселых историй про Васю Теркина.

Образ простого русского парня — добродушного и никогда не унывающего — понравился Александру Трифоновичу, и он сделал его сатирическим персонажем своих стихотворений-фельетонов, которые периодически публиковались в газете «На страже Родины». Тогда поэт еще и подумать не мог, что совсем скоро Василий Теркин станет героем одного из самых главных и самых известных его произведений...

С первых дней Великой Отечественной войны А.Т. Твардовский — на фронте. 23 июня 1941 года в Главном Политуправлении Красной Армии вместе с группой других писателей и поэтов он получил предписание отправиться в Киев. Известный поэт Евгений Долматовский вспоминал: «А.Т. Твардовский имел звание майора и как старший по званию он становился старшиной нашей маленькой литературной команды, которая направлялась в Киев, в штаб Киевского Особого Военного округа, ставшего уже тыловой базой Юго-Западного направления. А.Т. Твардовский получил назначение в редакцию фронтовой газеты «Красная Армия»».

В редакции «Красной Армии» Твардовский делал все, что положено делать журналисту: правил заметки, дежурил по номеру, был на рассвете «свежей головой», вычитывающей первый пробный экземпляр номера газеты, писал передовицы, очерки, фельетоны, статьи. Регулярно печатались в газете и его новые стихи.

В октябре 1941 года редакция «Красной Армии» перебазировалась с Украины в Воронеж, но в пути была сделана длительная (почти на месяц), вынужденная остановка. С 25 октября и почти до середины ноября 1941 года редакционный поезд газеты «Красная Армия» стоял на запасных путях станции Валуйки. И, по-видимому, именно в эти осенние, тревожные дни, когда враг подбирался к самому сердцу Родины — Москве, Александр Трифонович решил переосмыслить запавший ему в душу образ веселого и простоватого парня Васи Теркина, превратив его из карикатурного персонажа в обобщенный символ русского солдата, олицетворяющего русский национальный характер. Во всяком случае, многие исследователи творчества Твардовского считают, что первые главы «Василия Теркина» написаны именно на валуйской земле. Тем более, что в этот же период на страницах «Красной Армии» печатались произведения Твардовского, героями которых были непосредственные предшественники Василия Теркина — казак Иван Гвоздев и партизан Дед Данила. Позднее сам автор оценивал эти публикации как подготовительную работу к созданию «Книги про бойца».

Весной 1942-го Твардовский вернулся в Москву. Здесь он продолжил работу над поэмой, собирая воедино уже написанные главы, а также разрозненные записи и наброски. «Война всерьез, и поэзия должна быть всерьез», — записывает он в своем дневнике. 4 сентября 1942 года началась публикация первых глав поэмы в газете Западного фронта «Красноармейская правда».

Поэма получает известность, ее перепечатывают «Правда», «Известия», «Знамя». Отрывки из поэмы звучат по радио в исполнении Юрия Левитана. Тогда же

появились и известные иллюстрации, созданные художником Орестом Верейским. Твардовский встречается с солдатами, посещает с творческими вечерами госпитали и трудовые коллективы. И всюду чтение поэмы о Василии Теркине имеет огромный, оглушительный успех у слушателей. Когда в 1943 году поэт решил закончить поэму, он получил множество писем, в которых читатели требовали продолжения. В итоге поэма была завершена в 1945 году одновременно с окончанием войны. А в следующем, 1946-м, Александр Трифонович за «Книгу о бойце» был удостоен Сталинской премии.

Твардовский имел полное право считать «Василия Теркина» своим весомым вкладом в общую победу народа над врагом. Вот как он сам оценивал значение своей бессмертной поэмы в ответе читателям «Как был написан “Василий Теркин”»: «Каково бы ни было ее собственно литературное значение, для меня она была истинным счастьем. Она мне дала ощущение законности места художника в великой борьбе народа, ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся непринужденной форме изложения. “Теркин” был для меня во взаимоотношениях писателя со своим читателем моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговорное по душам и репликой к случаю».

СТРАНИЦА ФРОНТОВОЙ БИОГРАФИИ

Широкому кругу читателей хорошо известно имя народного писателя Беларуси, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР Василя Быкова, автора более двух десятков замечательных повестей, действие которых происходит во время Великой Отечественной войны и в которых показан нравственный выбор человека в наиболее драматичные моменты жизни. Василь Владимирович и сам прошел всю войну, что называется, от звонка до звонка. Он участвовал в боях за Кривой Рог, Александрию, Знаменку. Во время Кировоградской операции был тяжело ранен. Освобождал Румынию, Болгарию, Венгрию, Югославию, Австрию. Но одна из самых драматичных страниц военной биографии Василя Быкова связана с нашим городом.

Война застала будущего писателя на Украине, где он участвовал в оборонных работах. Отступая вместе с частями Красной Армии, он оказался в Белгороде, где случайно отстал от своей команды.

В книге «Долгая дорога домой» В. Быков вспоминал: «В Белгороде я попробовал купить фруктового чаю, который можно было есть, но застрял в толпе возле прилавка. Из-за этого отстал от колонны, а потом и потерял ее. Пока бегал по забитым войсками улицам, наступила ночь. Усталый, зашел в полуразрушенный бомбой дом и заснул. Разбудил комендантский патруль. Отвели в комендатуру. Там ночной допрос — кто такой, почему отстал, с какой целью? Обыскали, отобрали документы. Нашли в моем чемоданчике карту, выданный из учебника листок, на котором я, грамотей, отмечал, как движется фронт. Этот листок меня едва не погубил. Лейтенант в синей фуражке, допрашивавший меня, после первых же слов ударил в одно ухо, потом другой рукой — в другое: “Почему скрывался?” Я попробовал объяснить, что отстал от команды, что иду из Сумской области, а мой следователь на это отвечал: “Все так говорят, грубо работают ваши фашисты, по шаблону. Но мы выьем из тебя признания, японский городовоид!” Это необычное ругательство я тогда услышал впервые и запомнил на всю жизнь».

Решив, что пойманный с картой парнишка — это заброшенный к нам в тыл немецкий агент, бдительные особисты отдали приказ: шпиона расстрелять! Но Василю Быкову в самый последний момент повезло: «В очередной раз пришли двое — молодой в синей фуражке и пожилой усатый красноармеец с винтовкой. Этот, уса-

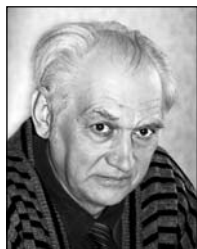
тый с винтовкой, кивнул мне — на выход, и я послушно поднялся. Не помню, как вышли из подвала. Через мощный двор свернули за угол кирпичного здания на вытопанные огородные грядки. И там под старым деревянным забором я разглядел в крапиве длинные ноги в высоко накрученных обмотках. И я не сдержался — слезы сами ручьем полились из глаз. А красноармеец застыл в изумлении от моего безмолвного плача и вдруг говорит: “Пацан, беги! Быстро!” И я рванул через грядки с картошкой к близкому пролому в заборе, ожидая, что сейчас он в меня выстрелит. Он и правда выстрелил, но вверх. Как я понял, убегая, хоть даже не оглянулся...

Мне вообще тогда повезло. Когда я нашел в стороне от дороги в лесу свою команду, та уже строилась для формирования... Про свои драматические приключения в Белгороде долго никому не рассказывал, о документах потом писал, что утрачены во время войны. Без лишней подробности.

Так начиналась «долгая дорога домой» для будущего классика советской литературы Василя Владимировича Быкова и могла трагически закончиться в самом начале у нас, в Белгороде. А сколько неведомых миру талантов сложили свои головы в годы Второй мировой? Кто знает, кто ответит?..

Александр Иванович Осыков родился в 1959 году в городе Белгороде. Окончил Белгородский государственный технологический университет и аспирантуру ЦНИИСК в Москве. Кандидат технических наук. Работал в проектных и строительных организациях, преподавал в вузах Белгорода. В настоящее время возглавляет Ассоциацию проектировщиков Белгородской области. Автор свыше 30 книг поэзии и прозы. Лауреат ряда международных и всероссийских литературных конкурсов и премий: им. С. Есенина, Н. Рубцова, К. Симонова, «Прохоровское поле», «Имперская культура» и др. Член редколлегии альманахов «Пересвет» и «Светоч». Член Союза писателей России. Живет в Белгороде.

Борис Иванович Осыков родился в 1937 году в городе Воронеже. Журналист, писатель, краевед, член Союза писателей России. Окончил филологический факультет Белгородского государственного педагогического института. Работал журналистом, главным редактором областного радиокомитета, главным редактором газеты «Белгородская неделя». Автор более 50 книг, в том числе для детей. Заслуженный работник культуры России, лауреат Всероссийских премий «Отечество», «Прохоровское поле». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и другими региональными и ведомственными наградами. Почетный гражданин города Белгорода. Живет в Белгороде.